

АЛЕКСЕЙ GERMAN: *Культура. — 1996. — 30 июля. — с. 11*

Не спрашивайте меня, почему я редко снимаю

ПЕРСОНА

Алексея Германа уважают все, даже те, кому не нравятся его фильмы.

Режиссер не избежал участи других избранных, ярких и выдающихся кинематографистов, и долгие годы был в опале. Работа продвигалась сложно — мешали цензурные препоны.

Прошло много лет. Снимать стало не легче — мешают отставные генер.

Но недавно Алексей Герман все же завершил съемочный период «долгожданного фильма» «Хрусталева, машину!»

— Алексей Георгиевич, расскажите, пожалуйста, о вашей новой картине.

— Хрусталева — это фамилия, машина — обыкновенный автомобиль. Эту фразу когда-то сказал Берия, когда умер Иосиф Виссарионович Сталин. В тишине раздался голос Лаврентия Павловича, который крикнул: «Хрусталева, машину!» С этого, можно считать, началась другая точка отсчета, может быть, даже в мировой истории. Из всего того, что я сказал, может создаться впечатление, что мы снимаем политический фильм. Ничего подобного, никакой политики там нет. Есть история жизни нескольких людей: мальчика, его мамы и папы, крупного генерала, очень талантливого человека, в момент перелома истории, который им неизвестен. Ведь сейчас, когда мы с вами разговариваем, может, что-то такое происходит в нашей стране или в мире, что нам неизвестно. И им было неизвестно. Это история семьи, их отношений, любви или ненависти, их переходов в какие-то другие качества. И генерал — это тот человек, который взял и не смирился, бросил эпохе вызов, и дальше прошел через страшные испытания, и сдался на каком-то этапе, и превратился в рухлядь, и выстоял. В результате картина кончается, как ни странно, достаточно благополучно. Человек что-то новое в себе обрел. В свою генеральскую жизнь он не вернулся, стал жить совсем другой жизнью. Эта история растянута на десять лет, и хотя там есть и Сталин, и Берия, никакой политики, повторяю, там нет, есть попытка на все это посмотреть сверху и даже сострадать каждому, даже тяжелым и страшным людям, попытаться в их шкуру влезть. Не то, чтобы мы сопли какие-то вокруг этого разводим, мы просто стараемся подняться над ситуацией, потому что всем жить хочется на этой планете. Наверное, лучше, чем Солженицын, не скажешь: «Волкодав — прав, людоед — нет».

По сути дела, эта картина огромная, сложнопостановочная. В Москве перекрывали Садовое кольцо, засыпали его снегом. Мы отстранили двенадцать сталинских ЗИСов, которые кортежем шли по Москве. Это очень был дорогой проект, и начинался он, как дорогой проект. Потом, естественно, все деньги кончились, и мы стали нищие. Останавливались по многу раз, вообще не работали, я уж было собрался за границу уезжать работать.

— Ваши фильмы обращают наш взгляд к истории. Почему

вы не снимаете фильмы на современную тему? Вам это неинтересно?

— Неинтересно. Неинтересно! Чехов писал: «Каждая собака должна лаять своим голосом». Очевидно, я та собака, которая хочет лаять тем голосом. Мне интересно про наше время монголов снять, мне интересно снять про войну 1812 года, но про эту жизнь мне совершенно снимать неинтересно, потому что я ее и так вижу. Мне интересно войти туда, где меня уже нет, где были, допустим, мои родители, родители моих родителей. Вот туда мне хочется войти, а здесь есть свои мастера, которые занимаются этой жизнью.

— Почему вы снимаете так мало и так редко?

— Ну, знаете, этот вопрос, я бы сказал, не совсем справедлив. Начнем с того, что я театральный режиссер. Первую картину «Седьмой спутник» мы сняли вместе с Григорием Ароновым. Она вышла на экран, а потом Аронов умер, так и не узнав, что она была изъята из проката. Это была история о красном терроре. Второй фильм — «Проверка на дорогах». Мы его закончили в 69-м — 70-м годах, после чего картину на пятнадцать лет положили на полку, а меня с работы выгнали. Потом меня на работу обратно взяли, потому что мне помогли Константин Симонов, Козинцев, Герасимов, Хейфиц и много других людей. Мы сняли картину «Двадцать дней без войны», которая тоже год не выходила. Почему? Совсем непонятно. После чего мы за нормальный, обозримый срок сделали фильм «Мой друг Иван Лапшин», который в течение двух часов запретили, и меня с работы выгнали вообще. Поэтому спрашивать меня в этой ситуации, почему я снимаю редко, достаточно смешно.

— То есть это было вынуждено?

— Ну да. Дальше, в 85-м году, меня «посмертно реабилитировали», сделали из меня рекламную фигуру перестройки, стали гонять на запад-перезапад, и я дал себе слово, что вообще снимать не буду. Зачем мне в эти дела лезть? Я преподавал в каких-то западных университетах, читал лекции и прекрасно жил. Но потом меня уговорили французские продюсеры, их министерство культуры. Там есть фонд помощи художникам с Востока. Я легкомысленно поддался и полез в это дело как раз «вовремя», когда все стало дорожать. Вся их помощь превратилась в ничто, и я за свое легкомыслие расплачивался три с половиной года, снимая этот фильм. Хотя я ни о чем не жалуюсь, так уж у меня складывается жизнь: одному так везет, другому по-другому. Мне везет так.

— Ваши фильмы в любом случае стали учебными пособиями во ВГИКе.

— Да, но какие-то устарели. Кино, к сожалению, стареет быстро...

— Думаете снимать следующий фильм?

— Если мне повезет и эта картина получится пристойной, достойной, чего мне бы очень хотелось, потому что мы не плутовали с ней, то я работаю в театре некоторое время. Скоро все стабилизируется, потому что, как мне кажется, потребность в российском кино в обществе возникла. Ее не было, в этом частично виноваты мы сами, потому что

преподнесли обществу достаточно большой поток неудачных фильмов, в котором очень трудно было разобраться. Это произошло где-то после 88-го года: вроде свобода, а вот как получилось печально все. Конечно, удар и американское кино нанесло, идиотская политика в прокате и так далее. Все смотрели с удовольствием эти «Рембо», а можно было и хорошие, навсегда от нас отрезанные зарубежные фильмы смотреть. Сейчас же, в перспективе, на кинематографические успехи нашей страны я смотрю достаточно оптимистически. Но мне не повезло, потому что я в самые мрачные годы этим делом занимался. Достаточно сказать, что на «Ленфильме» отключена вода и периодически отключают за неуплату свет, и, допустим, известная французская критиканка, которая приехала смотреть материал с французским продюсером, в уборную отбывала на автомобиле, потому что жить так, как живем мы и отправляться туда, куда мы отправляемся, она не в состоянии.

— Если вы смотрите на российское кино оптимистически, вы, наверное, будете участвовать в этом процессе лично?

— Я уже старый, знаешь, дожить надо. Лучшие годы ушли черт знает на что: на ожидания, на запрещения, на выгоняния. Но я не могу пожаловаться, может, это были и счастливые годы. А в общем, я уже, что называется, сильно немолод.

— Если бы вы только окончили институт, и перед вами было бы большое будущее, на какие темы вы бы снимали кино?

— Ну если бы я сейчас окончил институт, то, наверное, мне не нужно было бы рассказывать обществу о трагедии пленных в России, потому что сегодня молодежь даже и не знает, что это такое было: побывал в плену, потом получил десять лет лагерей и никогда не был реабилитирован. Прежде это касалось чуть ли не пятидесяти миллионов человек, если считать матерей, детей и родственников. Пропавшие без вести, брошенные своим правительством люди вынуждены были надевать форму врага, чтобы потом в итоге получить на Родине двадцать пять лет лагерей или расстрел. Сейчас нет нужды об этом снимать, а тогда была, и мы считали своим нравственным долгом говорить об этом. Тогда вообще было легче, потому что позиция во многом определяла художника. А сейчас позиция у всех приблизительно одна и та же, поэтому художника определяет что-то другое, а вот что — никто сформулировать не может, оттого кино и в кризисе.

— А вы можете сказать, какая сейчас позиция у художника?

— Ну в общем, кинематографисты на достаточно демократических позициях находятся, а что-то коммунистически или фашистски настроенных кинематографистов даже и не знаю. Наверное, они есть, но я с ними не пересекаюсь. Просто они делятся на талантливых и бездарных. Талантливых мало, бездарных много. Но это совсем не значит, что снимают талантливые.

Беседу вела Динара ФАТКУЛИНА